

Лескова Юлия Геннадьевна

САМОРЕГУЛИРОВАНИЕ КАК НЕГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

В статье на основе доктринального анализа выявлены специфические признаки саморегулирования как вида негосударственного регулирования. Автором показано соотношение и разграничение децентрализованного регулирования, индивидуального правового регулирования и саморегулирования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-1/37.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. I. С. 132-137. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Андреев А. Л. Политическая психология. М.: Весь мир, 2002. 240 с.
2. Белкин А. Р. Теория доказывания: научно-методическое пособие. М.: Норма, 1999. 429 с.
3. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. 512 с.
4. Бринев К. И. О презумпциях лингвистической экспертизы: конфликтные высказывания на шкалах «сведение/мнение», «утверждение/предположение», «оценка/факт» // Юрислингвистика-7: язык как феномен правовой коммуникации / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 138-154.
5. Буй В. Русская заветная идиоматика. М.: Помовский и партнеры, 1995. 336 с.
6. Голев Н. Д. Об объективности и легитимности источников лингвистической экспертизы // Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы. Барнаул, 2001. С. 14-29.
7. Землянова Л. М. Зарубежная коммуникативистика на рубеже веков // От книги до Интернета: журналистика и литература на рубеже тысячелетий / отв. ред. Я. Н. Засурский, Е. Л. Вартанова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. С. 61-74.
8. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: сборник научных трудов. Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. С. 3-16.
9. Кусов Г. В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004. 245 с.
10. Кусов Г. В. Фазовая неустойчивость детекции скрытых смыслов и теория судебной лингвистической экспертизы // Теория и практика современной юриспруденции: материалы международной научно-практической конференции. Новосибирск: Априори, 2011. С. 83-92.
11. Палашевская И. В. Концепт «закон» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 23 с.
12. Петрова Н. Е., Рацбургская Л. В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учеб. пособие. М.: Флинта, 2011. 160 с.
13. Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов / под ред. Т. В. Аверьяновой, В. Ф. Статкуса. М.: Юрайт, 2011. 720 с.
14. Стернин И. А. О понятии «неприличная форма высказывания» в лингвистической экспертизе // Воронежский адвокат. 2010. № 1. С. 16-21.
15. Типовая методика судебной лингвистической экспертизы: методические рекомендации / под ред. В. Ф. Статкуса. М.: ЭКЦ МВД России, 2008. 62 с.
16. Черкасова М. Н. Речевые формы агрессии в текстах СМИ: монография. Ростов-на-Дону: Рост. гос. ун-т путей сообщения, 2011. 123 с.
17. Якушев А. В. Теория государства и права. М.: ПРИОР, 2002. 192 с.
18. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Massachusetts: Blackwell Publishers, 1996. Vol. 1. The Rise of the Network Society. 411 p.

RESEARCH OBJECT MULTI-LINEARITY IN FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE

Gennadii Vladimirovich Kusov, Ph. D. in Philology
Department of Political Science and Law
Kuban' State Technological University
belokurs@yandex.ru

The author reveals the research object multi-linearity in forensic linguistic expertise theory – the science about language and law.

Key words and phrases: expertology; forensic linguistic expertise; language implicatures; implication; concept; discourse; language markers; semantic units phase instability.

УДК 340.1

В статье на основе доктринального анализа выявлены специфические признаки саморегулирования как вида негосударственного регулирования. Автором показано соотношение и разграничение децентрализованного регулирования, индивидуального правового регулирования и саморегулирования.

Ключевые слова и фразы: саморегулирование; децентрализованное регулирование; индивидуальное правовое регулирование; негосударственное регулирование; судебные акты; местное самоуправление.

Юлия Геннадьевна Лескова, к.ю.н., доцент
Кафедра гражданского и предпринимательского права
Самарский государственный университет
yuliyaleskova@yandex.ru

САМОРЕГУЛИРОВАНИЕ КАК НЕГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ[©]

Понятие «саморегулирование» многоаспектно, что связано с существованием различных видов общественных отношений. «Дефиниций, - писал В. И. Ленин, - может быть много, ибо много сторон в предметах»

[19, с. 216]. Поэтому, по мнению Г. А. Тосунян, невозможно дать универсальное определение саморегулирования: «очевидно, что саморегулирование на рынке электроэнергии не может не иметь существенных отличий от саморегулирования на рынках товаров народного потребления» [30, с. 28]. Однако позволим не согласиться с вышесказанным.

На наш взгляд, выделение общего, универсального определения, в какой-то степени даже обширного, отнюдь не препятствует возможности учитывать в дальнейшем существующие его особенности в той или иной сфере общественных отношений. Возьмем, к примеру, понятие юридического лица. Почему на протяжении нескольких веков ученые «бьются» за выявление его сущности, почему предлагаются различные теории юридических лиц, и, тем не менее, даже сегодня отсутствие такой универсальной теории не мешает выяснению вопроса о преобладающей теории юридического лица, которая соответствует реалиям настоящего времени. А в тех случаях, когда ученые все-таки отказываются от разработки универсальной теоретической концепции, объясняющей сущность юридического лица как правового феномена, приходят к выводу о том, что основное значение отдельных теорий юридического лица связано с углубленным исследованием отдельных признаков или свойств данной правовой категории, являющихся доктринальной базой для законотворческой и правоприменительной деятельности [28, с. 12].

Поэтому, на наш взгляд, выявление того общего, что может быть свойственно различным формам и видам в нашем случае такого правового явления как саморегулирование является первостепенной задачей правовой науки. Подтверждением сказанного является анализ положений аналитического доклада «Об итогах анализа практики применения законодательства РФ о саморегулируемых организациях в отдельных сферах и отраслях экономической деятельности», подготовленного Департаментом развития малого и среднего предпринимательства при участии Департамента корпоративного управления Минэкономразвития России в 2010 г., в котором указывается, что «...национальное и международное законодательство двигаются по направлению к унификации и гармонизации. Общий анализ российского законодательства о саморегулируемых организациях показывает, что эта отрасль права имеет острую потребность в кодификации и унификации норм, а основной характеристикой действующего законодательства является его мозаичность и отсутствие системного подхода, ведущие к разрушению общих принципов построения институтов саморегулирования» [23, с. 9-10]. И такой системный подход, и общие принципы построения системы саморегулируемых организаций могут быть найдены непосредственно в ракурсе выявления самого понятия саморегулирования в механизме негосударственного регулирования.

На наш взгляд, саморегулирование следует рассматривать как вид правового регулирования. Однако не все ученые единодушны в том, что «правовое регулирование включает в себя государственно-правовое регулирование, но не исчерпывается им» [34, с. 23]. Так, Ф. Н. Факуллин характеризует правовое регулирование как государственно-властное, построенное на принципах субординации [32, с. 134]. Считаем, что праворегулирующая деятельность не должна пониматься только как властная деятельность государства, в лице его органов и должностных лиц, по навязыванию правовых правил нормативного или индивидуального характера обществу и отдельным его членам. Совершенно справедливо высказывание Ю. А. Тихомирова: в Российской Федерации смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления определяются правами и свободами человека и гражданина [29]. Можно привести еще одну точку зрения: Г. А. Василевич считает, что следует пересмотреть старую научную доктрину, признающую в качестве источника права только продукт деятельности государства; должна получить признание точка зрения, согласно которой для цивилизованного развития современного государства и права концепции юридического позитивизма недостаточно [5, с. 54]. Правовое регулирование может осуществляться на международном, общегосударственном (в федеративном государстве), региональном, местном, локальном (в рамках организации) и индивидуальном (на уровне соглашения сторон) уровнях [24, с. 13]. Нельзя не согласиться с М. Н. Марченко в том, что «государство – исключительный источник и творец законов, но отнюдь не права... законотворчество и правотворчество отнюдь не всегда совпадают» [20, с. 343].

Саморегулирование как вид правового регулирования подразумевает самостоятельную и инициативную деятельность субъектов для достижения своих целей в рамках действующего законодательства, направленную на упорядочение конкретных общественных отношений посредством создания правил и предписаний. При этом важно подчеркнуть: при саморегулировании лица, чье поведение регулируется, сами имеют возможность легально и оперативно управлять поведением субъекта регулирования (акты саморегулирования принимаются теми субъектами, в отношении которых они действуют, т.е. в одном лице соединяется субъект правотворчества и реализации), в то время как при государственном регулировании, хотя и имеется обратная связь от предпринимателей и их объединений к государству в лице его органов, она принципиально отлична от связей в саморегулировании. Отличительными особенностями правового саморегулирования (как вида правового регулирования) являются равноправное положение субъектов, автономия их воли и самостоятельная имущественная ответственность, а также отсутствие вмешательства со стороны государства. Еще одним важным критерием является самостоятельность принятия решений субъектами правоотношений в соответствии с принципами права. На наш взгляд, саморегулирование может быть рассмотрено как часть негосударственного правового регулирования, существующего наряду с государственным регулированием. При этом само саморегулирование как правовой институт не отождествляется с децентрализованным регулированием и индивидуальным правовым регулированием.

Соотношению централизованного и децентрализованного правового регулирования посвящено немало научных работ, среди которых особо следует упомянуть диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук Т. В. Кашаниной «Децентрализация в правовом регулировании (структурный анализ)». Автором было отмечено: «Централизованное (общегосударственное) регулирование, основанное на общем интересе, далеко не всегда способно учесть интересы отдельных коллективов, организаций, граждан и поэтому не может быть всегда и во всех случаях эффективным и достаточным. Законодательство должно содержать некий нижний предел регламентации поведения людей. Все остальное пространство заполняется инициативными действиями субъектов права» [11, с. 3]. В зависимости от того, кому из субъектов предоставляется право определять параметры деятельности, поведения, Т. В. Кашанина выделила три разновидности децентрализации в праве: 1) децентрализация на уровне государственных органов (республиканское, местное регулирование); 2) децентрализация на уровне коллективов организаций (локальное регулирование); 3) децентрализация на уровне индивидов (индивидуальное регулирование или саморегулирование) [12, с. 122]. Однако не все ученые считают, что саморегулирование и индивидуальное регулирование тождественные понятия. Так, по мнению И. А. Минникес, к саморегулированию можно отнести только два вида индивидуального правового регулирования: автономное и договорное [21, с. 98], «...когда индивидуальное правовое регулирование имеет место в виде правоприменительного индивидуального правового регулирования для саморегулирования места практически не остается» [Там же, с. 99]. Данный подход является традиционным, когда выделяют правоприменительное индивидуальное правовое регулирование и саморегулирование. Однако в юридической литературе есть и иная точка зрения, например, Е. Абросимова судебное решение рассматривает как форму саморегулирования судебной власти [1, с. 146]. По мнению Р. Циппелиуса, «правосудие достраивает право путем уточнения, дополнения или устранения законодательных ошибок: оно уточняет закон, определяя и отработывая возможные альтернативы его толкования, и избирает наиболее удачную из них (достройка права)» [33, с. 88].

О том, насколько оптимальна последняя точка зрения, и можно ли рассматривать судебные решения, постановления пленумов Верховного и Высшего Арбитражного Судов РФ как форму саморегулирования, можно судить, исходя из вопроса о правовой природе данных решений: являются ли они источником права, и порождают ли они новые правила поведения. О. Е. Кутафин указывал, что Конституционный Суд РФ (в том числе и при осуществлении толкования Конституции РФ) не создает новых правовых норм, его решения не относятся к источникам права, а являются лишь актами применения права. Ученый также подчеркивал, что суд, отправляя правосудие, применяет право, другими словами, судебная практика является не правотворческой, а правоприменительной деятельностью [16, с. 145]. В. С. Нерсесянц отмечает, что «...повышение роли судебной власти в современных условиях состоит вовсе не в наделении ее законодательными полномочиями, а в том, что она стала независимой и полномочной защитницей права и правового закона...» [22, с. 34]. Иная позиция также нашла своих сторонников. Например, М. И. Байсин считает, что правотворческая функция Конституционного Суда Российской Федерации представляет собой «творение права» в форме судебного прецедента [3, с. 9]. О самостоятельной правотворческой функции Конституционного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда и Верховного Суда, федеральных судов пишут и многие другие ученые. Однако в цивилистической науке акты суда традиционно оцениваются как акты применения уже имеющихся норм права к конкретным жизненным обстоятельствам [6, с. 105-106; 9, с. 65; 27, с. 137].

Анализ приведенных точек зрения и подходов к вопросу о месте и роли судебных актов в системе источников российского права позволяет сделать вывод, что до настоящего момента в теории и практике данный вопрос остается дискуссионным и не находит однозначного решения. С нашей точки зрения, судебные решения являются актами правоприменения (согласно подп. 3 п. 1 ст. 8 ГК РФ судебное решение лишь устанавливает права и обязанности), а это значит, что здесь вряд достаточно «простора» для саморегулирования (ибо саморегулирование – не дублирование закона). Таким образом, главное отличие актов саморегулирования от судебных решений заключается в способности первых обладать свойством правообразования (применительно к договору, являющемуся регулятивным средством саморегулирования, о таком свойстве писали многие ученые) [6, с. 105; 25, с. 257].

Саморегулирование проявляется как при автономном и договорном регулировании, так и при корпоративном управлении, и отражается в форме корпоративных локальных актов. Заметим, что локальные акты могут в той или иной степени восполнить пробелы законодательства и осуществить первичное правовое регулирование при отсутствии соответствующих вышестоящих нормативных актов [14, с. 58-65; 18, с. 15]. Т. В. Кашанина к числу признаков локального регулирования относит не только признак «восполнения», но и вторичные признаки: названные акты могут дополнять, развивать, конкретизировать общегосударственные нормы [11, с. 10]. И главное, что замечает ученый: «локальные нормы характеризуются соединением в одном качестве субъекта и объекта регулирования либо их сближением» [Там же], что также является признаком саморегулирования.

При этом «автономия» субъектов корпоративного нормотворчества отличается от свободы использования предоставленных им гражданами прав. Поэтому применительно к предприятиям, учреждениям понятие «автономное регулирование» более оправданно связывать не с конкретным порядком или участниками решения внутриорганизационных дел, а со свободой организаций регулировать внутренние отношения в рамках соблюдения общих норм права [2, с. 32]. С этой точки зрения автономия воли должна рассматриваться как степень проявления самоуправления, которая необходима организации для эффективного принятия решений в отношении своей основной деятельности.

Что касается соотношения понятия местного самоуправления как одной из форм децентрализации и понятия саморегулирования как вида регулирования, то здесь следует исходить из двойственности правовой природы

местного самоуправления. С одной стороны, местное самоуправление является формой народовластия [4, с. 14] и призвано обеспечить самостоятельность решения населением муниципального образования вопросов местного значения. С другой стороны, местное самоуправление представляет собой особый, специальный уровень власти в государстве [17, с. 7]. В связи со сказанным представляет интерес исследование Н. Л. Пешина по проблемам развития конституционно-правовой модели и практики взаимоотношений государственной власти и местного самоуправления. С позиций теории муниципального права автором разработана типология моделей взаимоотношений государственной власти и местного самоуправления и доказано наличие трех моделей взаимоотношений государственной власти и местного самоуправления: административной, децентрализованной и дуалистической [26, с. 10-11]. Как отмечает Н. Л. Пешин, в России конституционно-правовая модель взаимоотношений государственной власти и местного самоуправления является дуалистической: контролируется государством в той степени, в какой местная власть участвует в решении государственных задач, а в пределах собственной компетенции, определяемой законодательством, местное самоуправление является самостоятельным, действующим независимо от государственных институтов. В последнем случае можно говорить о признаках саморегулирования. Как замечает Ю. А. Тихомиров, отрадно, что право устанавливает институты гражданского общества, которые служат каналами непосредственного принятия решений общественного значения: таковы муниципальные правовые акты, признанные законом и принимаемые населением муниципальных образований непосредственно или органами местного самоуправления и должностными лицами [29].

Сказанное вовсе не изменяет правовой природы местного самоуправления, по сути, оно является общественно-государственной формой публичной власти. Как считает Л. П. Волкова, позиция государства направлена не на обособление местного самоуправления, а на сближение государства и местного самоуправления, исполнительная вертикаль не заканчивается на уровне субъектов, а находит свое продолжение на уровне муниципального образования [7, с. 19]. В конечном счете, как было указано Т. В. Кашаниной, децентрализация власти (территориальная децентрализация) «представляет собой как бы спуск по ступеням, но в пределах одного этажа», «работает ли над изданием правовых норм центр государственной машины или ее периферийные части, результат один: осуществляется государственное регулирование поведения людей» [13, с. 54].

И все-таки в сфере местного самоуправления различают две сферы общественных отношений, принципиально отличающихся друг от друга: сферу деятельности органов местного самоуправления как органов публичной власти, деятельности должностных лиц местного самоуправления и сферу участия населения в решении вопросов местного значения и проявления собственных инициатив в их решении. Выбор приемов и способов правового регулирования для обеспечения гарантий местного самоуправления зависит от этих двух сфер общественных отношений. И на наш взгляд, в последнем случае также могут присутствовать элементы саморегулирования. Поэтому не случайно Ю. А. Тихомиров к разновидности саморегуляции относит муниципальные правовые акты, признанные законом и принимаемые населением муниципального образования [29]. Нельзя забывать и о концептуальных составляющих института местного самоуправления в Российской Федерации, где одним из основных принципов является принцип самостоятельности местного самоуправления [10]. Это еще раз подчеркивает «двойственную природу» местного самоуправления и присутствие в нем как государственной, так и общественной составляющих (двойственную правовую природу местного самоуправления отмечают не только ученые в сфере права, но и в области политологии) [31, с. 17].

Дискуссия о правовой природе местного самоуправления обсуждается научным сообществом не одно десятилетие, и получить универсальное решение не так-то просто: в разное время значение той или иной его составляющей колеблется, что зависит от развития самого общества и возможностей им самим выстраивать отношения. Мы остановимся на следующем постулате: местное самоуправление является составной частью общегосударственной системы сдержек и противовесов в системе публичной власти и государственного управления [8, с. 431]. Поэтому можно отметить, что, если в рамках местного самоуправления и присутствуют элементы саморегулирования, то оно присуще публичным делам и выдвигает соответственно элемент публичности на первый план. Разницу между публичными делами как содержанием деятельности местного самоуправления и частноправовыми самоуправляющимися объединениями отмечали практически все ученые-правоведы. Н. М. Коркунов по этому вопросу рассуждал следующим образом: «...если моим убеждениям или интересам не удовлетворяет данный промышленный, благотворительный, научный, религиозный союз, я могу, не меняя других условий моей жизни и деятельности, стать членом другого союза. Но если та община, в которой я живу, не чинит дорог, не обеспечивает санитарных условий жизни, то я не могу, сохраняя то же место жительства, найти удовлетворение этим потребностям в деятельности какой-нибудь другой общины» [15, с. 491]. Присутствие здесь «духа» саморегулирования несколько иное, оно не всегда подчинено самостоятельному установлению правил своей деятельности, и не всегда может выражаться в принятии определенных правил поведения (иногда сводится к участию в принятии решения).

Ф. Н. Фаткуллин, исследуя вопрос о характерных чертах индивидуально-правового регулирования, к их числу отнес властную деятельность уполномоченных на то органов и должностных лиц по разрешению конкретных юридических вопросов на основе действующих правовых норм и в соответствии с ними [32, с. 136]. По мнению И. А. Минникес, подход к определению индивидуального правового регулирования через виды правомерной деятельности (поведения) должен быть достаточно широким и соответственно включать разрешение односторонних правомерных юридически значимых действий путем заключения договоров (соглашений), а также сюда следует включать властную деятельность уполномоченных органов или должностных лиц по разрешению конкретных юридических вопросов в процессе правоприменительной деятельности [21, с. 36].

Даже такой широкий подход к понятию индивидуального правового регулирования не может быть отождествлен с саморегулированием. Не все вышеназванные виды правомерной деятельности (поведения) приобретают форму саморегулирования, в частности, властная деятельность уполномоченных органов и должностных лиц не вписывается в рамки саморегулирования. Важно также отметить, что в индивидуальном правовом регулировании, в отличие от саморегулирования, субъекты могут и не обладать правотворческими полномочиями.

Таким образом, для того, чтобы выявить саморегулирование в негосударственном регулировании необходимо руководствоваться его основными (универсальными) признаками:

- саморегулирование в праве имеет поднормативный характер, т.е. осуществляется на основе государственного регулирования, которым задаются общие параметры взаимоотношений, но не сводится к ним (происходит упорядочение общественных отношений, неурегулированных либо недостаточно урегулированных нормами действующего законодательства). В этом смысле саморегулирование дополняет нормативно-правовое регулирование, осуществляется на его основе и в его развитии;

- саморегулирование имеет «собственное» волевое содержание и самостоятельную регулируемую функцию, что подчеркивает его автономный характер по отношению к государству;

- саморегулирование сопряжено с взаимным согласованием тех или иных моментов упорядочиваемого общественного отношения непосредственно участниками;

- саморегулирование, как правило, рассчитано на поведение только лиц, создающих для себя определенные правила поведения (в том числе опосредованно через функционирование организаций), для тех, кто не включен в процесс саморегулирования, могут создаваться только права, но не обязанности;

- субъекты саморегулирования обладают правотворческими полномочиями в пределах нормативного регулирования.

Список литературы

1. **Абросимова Е.** Саморегулирование судебной власти: основания, содержание, тенденции // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 4.
2. **Архипов С. И.** Понятие и юридическая природа локальных норм права // Известия вузов. Правоведение. 1987. № 1.
3. **Байсин М. И.** О юридической природе решений Конституционного Суда Российской Федерации // Государство и право. 2006. № 1.
4. **Баранчиков В. А.** Проблемы становления и развития местного самоуправления в РФ: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2005.
5. **Василевич Г. А.** Нормативные акты как источники Белорусского права: соотношение, действие, утрата юридической силы // Юридическая наука и образование. 2008. № 1.
6. **Власенко В. А.** К вопросу о понятии судебного решения // Вестник Саратовской государственной академии права. 2009. № 1 (65).
7. **Волкова Л. П.** Правовые основы разграничения полномочий между органами исполнительной власти РФ, субъектов РФ и органами местного самоуправления: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2009.
8. **Глазунова Н. И.** Система государственного и муниципального управления: учебник. М., 2006.
9. **Долинская В. В.** Источники гражданского права. М., 2005.
10. **Егорова Н. Е.** Муниципальная реформа в Российской Федерации и структура органов местного самоуправления // Журнал российского права. 2007. № 12.
11. **Кашанина Т. В.** Децентрализация в правовом регулировании (структурный анализ): автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1992.
12. **Кашанина Т. В.** Индивидуальное регулирование в правовой сфере // Советское государство и право. 1992. № 1.
13. **Кашанина Т. В.** Соотношение централизованного и децентрализованного правового регулирования // Правоведение. 1991. № 4.
14. **Кондратьев Р. И.** Восполнение пробелов трудового права локальными нормами // Советское государство и право. 1997. № 3.
15. **Коркунов Н. М.** Русское государственное право. СПб., 1909. Т. 2.
16. **Кутафин О. Е.** Источники конституционного права Российской Федерации. М., 2002.
17. **Кутафин О. Е., Фадеев В. И.** Муниципальное право Российской Федерации: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002.
18. **Лебедев В. М.** Взаимодействие систем трудового права и трудового законодательства // Российская юстиция. 2003. № 11.
19. **Ленин В. И.** Полное собрание сочинений. Т. 29.
20. **Марченко М. Н.** Проблемы теории государства и права. М., 2001.
21. **Минникес И. А.** Индивидуальное правовое регулирование (теоретико-правовой анализ): дисс. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2009.
22. **Нерсисянц В. С.** Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (о правоприменительной природе судебных актов) // Судебная практика как источник права / под ред. Б. Н. Топорнина. М., 1997.
23. **Об итогах анализа практики применения законодательства РФ о саморегулируемых организациях в отдельных сферах и отраслях экономической деятельности** [Электронный ресурс]: доклад, подготовленный Департаментом развития малого и среднего предпринимательства при участии Департамента корпоративного управления Минэкономразвития России в 2010 г. URL: <http://www.economy.gov.ru>
24. **Осипов М. Ю.** Правовое регулирование как динамическая система: понятие, структура, функции: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
25. **Павлушина А. А.** Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития. Самара, 2005.
26. **Пешин Н. Л.** Государственная власть и местное самоуправление в России: проблемы развития конституционно-правовой модели и практики взаимоотношений: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2007.
27. **Радионова О. М.** Гражданско-правовое регулирование: система актов и их действие. Саранск, 2007.

28. Серова О. А. Теоретико-методологические и практические проблемы классификации юридических лиц современного гражданского права: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2011.
29. Тихомиров Ю. А. Право и саморегулирование // Журнал российского права. 2005. № 9.
30. Тосунян Г. А. Банковское саморегулирование: монография. М., 2006.
31. Трофимова И. Н. Институциональное развитие местного самоуправления в РФ: автореф. дисс. ... докт. политич. наук. М., 2011.
32. Фаткуллин Ф. Н. Проблемы теории государства и права: курс лекций. Казань, 1987.
33. Циппеліус Р. Юридична методологія / пер. Р. Корнута. Київ, 2002.
34. Шарифуллин В. Р. Частно-правовое регулирование: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006.

SELF-REGULATION AS NON-STATE LEGAL REGULATION

Yuliya Gennad'evna Leskova, Ph. D. in Law, Associate Professor
Department of Civil and Entrepreneurial Law
Samara State University
yuliyaleskova@yandex.ru

Basing on doctrinal analysis the author reveals self-regulation specific features as a form of non-state regulation, and shows the correlation and distinction between decentralized regulation, individual legal regulation and self-regulation.

Key words and phrases: self-regulation; decentralized regulation; individual legal regulation; non-state regulation; judicial acts; local self-regulation.

УДК 008(091)

Автор обращается к проблеме репрезентации императорской власти в России на самом раннем этапе её становления. На примере анализа семантики элементов архитектурно-паркового ансамбля Петергофа (скульптура, монументальная живопись, декоративно-прикладное искусство) воссоздается единая символическая программа «двора Петра», отразившая актуальные тенденции становления самодержавия в России в первой половине XVIII века: централизацию, сакрализацию и репрезентацию.

Ключевые слова и фразы: символическая программа; репрезентация власти; сакрализация персоны монарха; аполлонический текст.

Вячеслав Александрович Лётин, к. культурологии
Кафедра гуманитарных наук и театроведения
Ярославский государственный театральный институт
liotin@yandex.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ МОНАРХА В ПРОСТРАНСТВЕ УНИВЕРСУМА ЕГО УСАДЬБЫ: ПЕТЕРГОФ ПЕТРА ВЕЛИКОГО[©]

Эпоха преобразований Петра Великого – период становления новой государственности, формирования нового мировоззрения. В это время радикальному переосмыслению подверглось буквально все, что составляет историко-культурную среду жизни человека, в том числе и пространство его жилья. Последнее (жилье привилегированного сословия) перестало восприниматься исключительно как замкнутое и непроницаемое пространство. Став пространством публичным, оно потребовало особого декорирования в духе актуальных эстетических тенденций. В его задачи вошло репрезентирование личности владельца в плане причастности к государственному курсу. Примерами здесь могут служить дворцы А. Д. Меншикова на Васильевском острове в Петербурге и Ф. Я. Лефорта на реке Яузе в Москве [2]. Вполне закономерно, что наиболее плотно государственное и персональное было слито в репрезентативных программах царских/императорских резиденций. Насыщенные аллегориями визуально-пространственные тексты парков и дворцов превращали их пространства в особые символические универсумы, которые эволюционировали вместе с изменением представлений о власти. Наиболее полно это выразилось в оформлении Петергофа – буквально «двора Петра».

Петр I – ключевая фигура отечественной истории нового времени

Противоречивая личность императора породила не менее противоречивую мифологию. Диапазон отношений к нему в культуре широк: от «земного божества» (М. В. Ломоносов) до антихриста. Разные грани этого богатого образа раскрываются в исторических документах, текстах мемуарной и художественной литературы, живописной и скульптурной иконографии монарха. Именно они в первую очередь и попадают в поле зрения исследователей.

Данная же работа посвящена менее популярному в научной сфере способу репрезентации «петровского мифа» – аллегориям, которыми был представлен как сам император, так и основные принципы его правления.